

16 МАРТ 1983

Литературная газета
г. Москва

РАМА

2207

Клыч КУЛИЕВ:

ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ...

— Нынешней ночью почти не спал, — говорит Клыч Кулиев, пока мы рассказываем в его кабинете за традиционным чаем, без которого в наших краях не начнется ни одна беседа, — увлекся работой, очень хотелось завершить главу.

— Что сейчас пишете, Клыч Мамедович?

— Задумал трилогию «Буря над Кабулом». В первой книге, над которой я работаю, будет обрисована ситуация в Афганистане последних лет владычества Захир Шаха: трудности внутреннего положения, большие сложности в вопросах внешней политики. Завершится книга свержением монархии и провозглашением так называемой республики Мухаммеда Дауда. Во второй книге я намерен отразить суть политики Дауда, ее антинародный, реакционный характер. Основное внимание будет уделено прогрессивным силам, которые сумели свергнуть Дауда и установить подлинно демократический строй. А третья книга будет посвящена событиям, которые происходят после победы Апрельской революции, то есть сегодняшнему дню.

— Что же это за глава, которая «отняла» почти всю вашу ночь?

— Я стремился показать противоречия внутри самой династии Надиров. Известно, что до 1962 года Захир Шах управлял страной, опираясь на своих двоюродных братьев — Мухаммеда Дауда и Мухаммеда Наима. Первый был премьер-министром, а второй — его заместителем и министром иностранных дел. В 1962 году Захир Шах устранил братьев от власти, что, естественно, вызвало их недовольство. Как раз в той главе, что я законил ночью, — встреча Захир Шаха со своими братьями, острый разговор по вопросам внутренней и внешней политики.

Я работал в Афганистане в конце 50-х — начале 60-х годов, и многие персонажи нового романа знакомы мне.

— Стало быть, большинство персонажей — конкретные исторические лица?

— Не сказал бы, что большинство. Как правило, интриги движут вымышленные персонажи, но и за ними нередко стоят реальные личности. Правда, ра-

ПИСАТЕЛЬ
ЗА РАБОЧИМ
СТОЛОМ

ботая над книгой, так меняешь и внешний облик, и характеры, что получаются совсем иные люди.

— И так всегда или только в «Буре над Кабулом»?

— Пожалуй, всегда. Вот, скажем, английский полковник Чарлз Форстер — один из главарей иностранной интервенции в моем романе «Черный караван». Как сложился этот образ «знатока восточной души», хитрого, коварного врага? В архиве Кабула попалось мне както донесение английского полковника о поездке в Среднюю Азию в 1918 году. Это буквально три-четыре странички, где описывается, в каких районах Туркестана он побывал, с кем встречался, какие вопросы обсуждал. Главное, что меня привлекло, — его вывод: силы в Туркестане, борющиеся против большевиков, есть, но они разрознены и не пользуются поддержкой народных масс. Сплотить их в единый кулак маловероятно, ибо во главе этих группировок стоят люди, которые преследуют свои узокорыстные цели. И это — объективное мнение опытного, умного разведчика.

Эти странички послужили толчком не только для создания образа английского полковника, но и для написания всего романа, в котором повествование ведется от имени вымышленного персонажа — разведчика Форстера. И почти все

рои романа, кроме, пожалуй, ашхабадских правителей, которые недолго действовали после эсера-меньшевистского мятежа, — плод авторского воображения.

— И советский разведчик, который на всем пути полковника действовал рядом с ним?

— Да, это скорее собирательный образ.

— Однако во всех почти ваших книгах действуют и исторические личности — скажем, в романе «Посол эмира». Здесь, если не ошибаюсь, первая в советской литературе попытка создать образ большого друга нашей страны Джавахарлала Неру?

— Я питало глубокое уважение к этому человеку, отдавшему всю жизнь борьбе за интересы своей родины, своего народа.

Главный вопрос для меня в этом романе — Ленин и Восток. Я и стремился показать, какой огромной симпатией пользовался Ильич в странах Востока: Индии, Афганистане, Туркестане. В этой связи большое значение имели две встречи Ленина с афганской дипломатической миссией, которая прибыла в Москву, когда все империалистические державы объявили дипломатический бойкот Советской республике.

Рассказывая об этом, я очень хотел показать и молодого Неру, который уже становился заметной политической фигурой в своей стране, со своим суждением по различным вопросам мировой политики, и в частности об исторических событиях в революционной России.

— Как возникают темы, сюжеты ваших книг?

— Их подсказывает сама жизнь, как правило. Например, в Кабуле я был знаком с афганским дипломатом Фаизмурхаммадом-ханом, который был одним из членов афганской дипломатической миссии, что отправилась к Ленину. Он рассказывал об этой поездке, о встречах с Лениным. Я все записал. Это стало толчком к более основательному изучению вопроса. Потом трудился в архивах, что-то домыслил. Так возник роман «Посол эмира».

Многие годы работал я в Иране, Афганистане, Тунисе, наблюдал вблизи события, которые происходили в этих и соседних странах. И почти все мои произведения связаны с тем, чему я сам был свидетелем.

Например, в годы второй мировой войны я работал вице-консулом в Иране, в Горгане, где проживал много туркмен. И видел, как разворачивалась их национально-освободительная борьба. Об этом — моя повесть «По ту сторону Копет-Дага», которую на русский язык перевел замечательный писатель Юрий Олеша, живший в годы войны в Ашхабаде.

Работая в Тунисе, я наблюдал за национально-освободительным движением в соседнем Алжире. Эти события отражены в романе «Непокорный алжирец».

Нет нужды придумывать события, достаточно отразить то, что видел.

— А когда и как вы начали писать книги?

— У туркменского классика Махтумкули, 250-летие со дня рождения которого мы будем праздновать в нынешнем году, есть такие строки: «Открылись мне далекие края и тайные движения бытия». Очевидно, в моей писательской работе «повинна» дипломатическая служба.

Вернувшись после войны, в 1948 году, из Ирана, обо всем увиденном я рассказал своим друзьям-писателям. Их очень заинтересовал мой рассказ, по-просили изложить все на бумаге. Так сложилась первая повесть.

— Очевидно, знакомство с потомками Махтумкули, с рукописью его и его отца — поэта Азади, которую вам передали они, и побудило написать первый роман о Махтумкули «Суровые дни»? После него, кажется, вы всерьез занялись художественным творчеством?

— Я действительно долго изучал материалы о Махтумкули: предания, легенды, стихи. И написал роман «Суровые дни» — об уже взрослом поэте, думая, что это — первая книга дилогии. Затем увлекся другими темами, написал немало книг и лишь недавно закончил работу над романом «Махтумкули», который, скорее, первая книга дилогии о нем.

— А как вы пишете?

— Подробных планов не составляю. Вот пишу я сейчас «Бурю над Кабулом», а в голове другая тема, которая начинает «притесняться» нынешнюю. В истории туркменского народа была личность весьма незаурядная — Гульджемал-хан. Женщина-лидер в то время, когда женщина считалась рабыней домашнего очага, ее могли продать за калым.

Скоро мы будем отмечать столетие добровольного присоединения племен многих туркменских оазисов к России. Так вот, Гульджемал-хан немало сделала для того, чтобы Мервский оазис добровольно присоединился к России, вопреки англичанам, которые стремились навязать свою волю, организовать в Мерве крупное сопротивление русским.

И, работая над романом об Афганистане, я исподволь вынашиваю образы, строю сюжет будущего романа об этой замечательной туркменке. Еще не приступал, но почти все продумал. Надо сесть и записать. Так же было со всеми книгами.

— Большинство ваших книг — исторические или историко-революционные...

— Волнуют меня и темы современности. Недавно опубликован на туркменском языке, а сейчас сдан в «Советский писатель» на русском роман «Запоздалое раскаяние», где я касаюсь морально-этических проблем сегодняшнего села, отношения человека к земле.

И все же главное, что меня интересует, — это национально-освободительное движение, пробуждение народов Востока, формирование их самосознания. Видимо, поэтому и пишу в основном романы, которые критики называют политическими. Но при этом стремлюсь так «заязывать» линии сюжета, чтобы чтение их было как можно более увлекательным.

Беседу вели
Икар ПАСЕВЬЕВ
АШХАБАД